

Кавказ учит терпению, мудрости и умению слушать

АРХИЕПИСКОП МАХАЧКАЛИНСКИЙ И ДЕРБЕНТСКИЙ ВАРЛААМ
О МНОГОЛЕТНЕМ СЛУЖЕНИИ В РЕСПУБЛИКАХ КАВКАЗА
И МЕЖРЕЛИГИОЗНОМ ДИАЛОГЕ

Архиепископ Махачкалинский и Дербентский Варлаам служит в республиках Северного Кавказа с 1999 года — он начинал еще иеромонахом в Ингушетии, затем продолжал в Чечне, а с 2013 года управляет Махачкалинской епархией. О том, как изменилась церковная жизнь на Кавказе за эти годы, как Церковь подвергалась угрозам террористов и на каком основании строится прочный межрелигиозный мир, владыка рассказал в интервью «Журналу Московской Патриархии».

Духовное становление и ранние этапы пастырского служения

Владыка, хотел бы начать с детских лет. Вы были крещены во младенчестве, а с какого времени стали посещать храм на регулярной основе?

К осознанной вере я пришел после скорбных обстоятельств: когда мне было 14 лет, умер мой дед, он скончался буквально на моих руках. Такое близкое соприкосновение со смертью, тем более близкого, дорогого мне и любимого человека, сильно повлияло на меня. Отец начал после этого ходить в храм, поминать бабушку, и я стал ходить с ним, задавать вопросы.

Мы жили в городе Изобильном Ставропольского края. Первый раз осознанно в храм я пришел на Пасху. Было очень радостно, но ничего не понятно. Женщина из церковной лавки спросила меня, ношу ли я крестик. Я не носил. Она подарила мне крестик, и я сразу надел его. И в этот момент почувствовал, наверное, прикосновение Божией благодати: крестик, который я надел, казался таким родным... Больше я его не снимал, начал регулярно ходить в церковь, а потом стал алтарником Никольского храма.

Почему решили пойти в семинарию?

Сначала я решил стать монахом. Я горел этой мыслью, читал о преподобном Серафиме Саровском. Только-только была переиздана летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Читал о святом, о том, как он подвизался в молчальничестве. Но про семинарию я не думал. Отец Петр Савенко, настоятель храма, однажды спросил меня, хочу ли я в семинарию, и я ответил, что хочу в монастырь.

Потом я пришел к митрополиту Гедeonу (Докукину, † 2003), сказал ему, что хочу быть монахом. Владыка посмотрел на меня: «Ну, монахом... Поступай в семинарию, поучись, там и видно будет». И я поступил в Ставропольскую

духовную семинарию. После второго курса меня постригли в монахи и рукоположили.

На третьем курсе я был назначен служить в Никольский храм в селе Сотниковском Ставропольского края, это в 40 километрах от Будённовска. Подумалось тогда о Промысле Божиим: начинал свой путь в Церкви с храма святителя Николая, и первые шаги в священном сане делал тоже в Никольской церкви. Храм был дореволюционный, 1905 года. При коммунистической власти использовался как зернохранилище. Местные жители рассказывали, что слышали плач в храме, и зерно расступалось, делая дорожку к образу Пресвятой Богородицы в иконостасе. В годы Великой Отечественной войны зерно оттуда перевезли в другое место, а люди стали приходить, молиться. Икона сохранилась по сей день.

Вы упомянули Будённовск: незадолго до начала вашего служения там произошел один из самых масштабных терактов в истории России — захват больницы. Как это событие отразилось на вашей жизни?

Время было тревожное. Помню, в будённовской больнице в тот день было явление креста — потом даже написали такую икону. Символично, что город Будённовск раньше назывался Святой Крест.

Была такая история. Однажды я ехал поездом, проспал нужную станцию и вышел ночью, пришлось идти по путям с вещами. Шел — и вдруг проезжает автобус. Я обрадовался, хотел остановить, а он, наоборот, газу прибавил. Потом я понял: бородатый мужчина идет ночью по трассе и хочет остановить автобус. Сейчас это может показаться смешным или странным, а тогда было страшно. Все были на нервах после будённовских событий.

Это было первое близкое соприкосновение с опасностью, с суровой реальностью девятых на Кавказе.

Ингушетия и Чечня: опасности жизни и поддержка народа

Что вы испытали, когда вас назначили служить в Ингушетию, зная о том, что предыдущий священник был похищен и погиб?

В то время я уже был настоятелем восстанавливающегося Никольского храма в станице Кармалиновской. Хотел перевестись в Покровский храм в другой части епархии, молился об этом.

Однажды митрополит Гедеон вызвал меня: его просили направить священника в Покровский храм! Только не Ставропольского края, а станицы Орджоникидзевской в Республике Ингушетия. Будучи молодым священником, я не представлял, как там служить: хотя я и жил рядом, но про жизнь соседних республик, про их население ничего не знал.

Сначала спорил с митрополитом около двух часов, отказывался ехать. В какой-то момент понял: дальше либо полностью отказываюсь и принимаю последствия, либо соглашаюсь. И вдруг сам сказал: «Я поеду». До конца не понял, как эти слова произнес.

Боялся даже не смерти — а того, что еду в республику, о которой вообще ничего не знаю. Понимал, что будет тяжело. Одну ночь я не спал — молился, переживал. А утром поехал, приняв волю Божию.

Как прошли ваши первые дни в Ингушетии?

Сначала переночевал у бабушки одного нашего семинариста. На следующий день поехали в храм. Моего предшественника, протоиерея Петра Сухоносова (который был духовником погибшего в 2024 году в Дербенте протоиерея Николая Котельникова), террористы похитили из храма и убили. И как раз за несколько дней до моего приезда произошел другой случай: охранники-ингуши по неосторожности застрелили русского водителя. Все это усиливало тревогу.

Митрополит Гедеон сказал: «Если будет тяжело — приезжай обратно, я пойму и приму. А так постарайся побыть, узнай об отце Петре поподробнее». Когда я приехал, послужил, народ приободрился. Я увидел людей, их нужду в молитве, горение духа — и уже не смог попроситься назад.

Храм всегда был под охраной. Меня сопровождали ингушские ребята. Потом их смени-

ли другие — и все годы, сколько я там служил (с 1999 по 2011), они были со мной.

Как вы привыкали к условиям служения в Ингушетии, особенно в тот период, когда рядом шли боевые действия?

Первое время я вообще не понимал, что происходит вокруг. Жил в маленьком домике на территории храма — это была келья отца Петра. Там обычная деревянная дверь, которая запиралась на простой крючок, без всяких замков. Ночью просыпаюсь — дверь ходуном ходит. Я думал, кто-то ее дергает. Выхожу — никого. Спросил охрану — говорят, тоже никого не видели. А потом понял: рядом стояли орудия, ночью стреляли по Чечне. От вибрации дом трясся, и дверь «гуляла». Это были мои первые впечатления, я просто не был к такому привычен. Со временем привык и к артиллерии, и к обстрелам.

Был случай, когда начальнику охраны Тимур его родственники, которые ходили «в лес», подложили взрывчатку под машину. Он остановился у дома, ему позвонили, а телефон выпал под соседнее сиденье. Тимур наклонился за телефоном — и в этот момент произошел взрыв. Если бы сидел прямо, его бы разорвало. Он пострадал, но выжил. Мы вместе с ребятами-ингушами, которые меня охраняли, такие моменты переживали не раз.

Местные власти поддерживали вас и Церковь?

Да, и это важно подчеркнуть. Когда я приехал в 1999 году, президентом Ингушетии был Р. С. Аушев. Он первый сказал: «Мы построим храм». Для меня это было удивительно: я молодой монах, а передо мной — глава республики и говорит такие слова. Аушев приезжал на Пасху, поздравлял, помогал приходской жизни.

Потом президентом республики стал М. М. Зязиков — генерал ФСБ. При нем мы начали расширять территорию, выкупили домовладения рядом с храмом. Именно тогда был выполнен основной объем строительных работ — стены возведены, территория благоустроена.

Затем пришел Ю. Б. Евкуров. Он тоже очень помогал. Все трое — Аушев, Зязиков, Евкуров — хорошо понимали опасности того времени и видели необходимость поддержки православных.

Как относились к вам местные жители в годы второй чеченской войны?

В целом хорошо. Кавказцы уважают священников. Помню, меня впервые пригласили в здание Парламента на мероприятие как представителя Церкви. Мне было двадцать пять, молодой священник, никого не знаю. Подходит старик в папахе, здороваётся: «Ты у нас в Слепцовской (другое название станицы Орджоникидзеvская, сегодня это город Сунжа) служишь? Пойдем, садись рядом со мной». Посадил в первый ряд и сказал: «У тебя здесь родственников нет, я буду твоим родственником. Если что — обращайся». Такая поддержка очень трогала.

Попадались, конечно, и другие, но в общем отношение к Церкви было уважительное. Если бы оно было враждебным, я бы не смог ни храм построить, ни вообще выжить.

Как вы оказались на служении в Грозном?

Епископ Феофан (Ашурков, † 2020) меня позвал, он управлял Ставропольской и Владикавказской епархией, к которой относились и Ингушетия, и Чечня. Владыка назначил меня благочинным Республики Ингушетия и Чеченской Республики. Я начал ездить в Грозный, служить. Дали мне священника в помощь. Мы постоянно были в разъездах. И за десять-одиннадцать лет нам удалось полностью восстановить исторический грозненский храм Архистратига Михаила.

Когда вы ездили в Чечню, насколько опасной была дорога?

Очень опасной. Служить в Грозном я начал с 2004 года. До этого пять лет там не было священника, а трех предшествующих настоятелей боевики брали в плен — священник Анатолий Чистоусов и иеромонах Захария (Ямпольский) погибли в плену, игумен Евфимий (Беломестный) был освобожден. Конечно, в 2004 году все было уже поспокойнее. Однако, чтобы добраться до города, приходилось пройти около тридцати блокпостов. Все было разбито, Грозный лежал в руинах. Если ты после семи вечера ехал — на дорогах уже почти никого не было. После девяти — комендантский час.

Храм Архангела Михаила был разрушен, стены всего метра три в высоту оставались. Богослужения проходили в маленьком крестильном домике при старом причтовом здании. Он то-

же был потрескавшийся, но служить там было можно. Во время служб храм брали в три кольца охраны. Снайперы сидели. Обычная Литургия — а вокруг боевая обстановка.

Как складывались отношения с руководством Чечни?

Я был знаком с А. А. Кадыровым и позже с Р. А. Кадыровым. Помню, в 2000 году Президент Российской Федерации В. В. Путин проводил первый форум народов Кавказа в Сочи. Ахмат-Хаджи тогда еще был жив. Там он сказал мне: «Сначала восстановим храм, потом мечеть». Так и вышло: сначала восстановили храм Архангела Михаила, а уже потом построили мечеть «Сердце Чечни».

А. А. Кадыров был очень мудрым, глубоко религиозным человеком. С ним всегда было интересно общаться — он умел точно оценивать ситуацию. Некоторые его слова даже Владимир Владимирович цитировал. Например, Ахмат-Хаджи сказал: «Не надо вмешиваться в религиозные дела. Мы сами разберемся. Дайте нам возможность поддержать порядок». И эта позиция сохраняется до сих пор: государство помогает преодолевать трудности, но не вмешивается в церковную жизнь.

Рамзан Ахматович в должности председателя правительства всегда проявлял внимание к Церкви — приходил к нам в храм перед великим освящением и после. Когда я стал архиепископом, он посещал храмы в станицах Наурской

Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с владыкой Варлаамом и бывшим главой Республики Дагестан Р. Г. Абдулатиповым. Февраль 2024 г.

Свято-Крестовская икона Богородицы (слева)

Праздник Преображения Господня в Свято-Успенском соборе Махачкалы. Август 2025 г. (справа)

и Шелковской — те, что построили при нем. В целом отношения рабочие и уважительные.

Сколько храмов было построено при вашем служении в Чечне и в Ингушетии?

В Чечне мы восстановили храм Архистратига Михаила в Грозном, построили храм Рождества Христова в станице Наурской и храм великомученицы Варвары в станице Шелковской, храм благоверного князя Даниила Московского в 46-й бригаде Росгвардии в Грозном. Еще один деревянный храм заложили на территории военного университета Росгвардии — собирались посвятить его праведному Иоанну Русскому. Всего — пять основных храмов.

В Ингушетии главный храм — Покровский. Есть еще храм на территории Управления ФСБ, во имя праведного Иоанна Кронштадтского, и два молитвенных дома — в Троицкой и Карабулаке.

В 2014 году при Покровском храме по благословению Священного Синода был организован Ново-Синайский монастырь. Название было выбрано не случайно. По преданию, когда пророка Мухаммеда преследовали, монахи Синайского монастыря укрыли его. В благодарность за это он впоследствии выдал монастырю фирман — охранную грамоту, в которой гово-

рится, что монахи — лучшие среди христиан и мусульманам запрещается причинять им вред. Более того, нельзя даже брать камни из храма и использовать их при строительстве мечети. Ново-Синайский монастырь — напоминание об этом важном событии во взаимоотношениях православных и мусульман.

Служение во Владимире и возвращение на Кавказ

После долгих лет в Чечне и Ингушетии вы уехали во Владимир. Почему?

В 2011 году трагически погиб архимандрит Кирилл (Епифанов) — человек, который восстанавливал Спасо-Преображенский монастырь в Муроме. Меня попросили продолжить его дело. В том же году сменился правящий архиерей Владикавказской епархии, я получил благословение и поехал в Муром. Одной из главных задач было достроить православную гимназию. Она уже существовала, но находилась прямо на монастырской территории. Для монастыря это неправильно — дети должны учиться отдельно. Мы нашли участок — почти два гектара — и построили новое большое здание на 165 учащихся. Когда вопрос с гимназией был закрыт, моя миссия там завершилась.

Как вы оказались снова на Кавказе — уже архиереем?

В конце 2012 года Святейший Патриарх Кирилл освящал Казанский кафедральный собор в Ставрополе, и мне сказали подъехать на собеседование. Потом Священный Синод принял решение назначить меня епископом в Махачкалу. До этого была одна Владикавказская и Махачкалинская епархия, в которую входили территории Республики Северная Осетия — Алания, Республики Дагестан, Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Когда было принято решение о разделении, в Махачкалинскую епархию вошли Дагестан, Ингушетия и Чечня.

В 2025 году от Махачкалинской епархии была отделена Грозненская, объединяющая приходы Чечни и Ингушетии. Ее возглавил епископ Грозненский и Сунженский Амвросий.

Поскольку около 12 лет — с 1999 по 2011 год — я служил на приходах Чечни и Ингушетии, став архиереем, я уже имел глубокое представление об этих регионах. Изучать нужно было Дагестан, и оказалось, что он сильно отличается от соседних республик.

Когда вы приехали в Дагестан как архиерей, какие были первые впечатления о республике?

Я возвращался на Кавказ и думал, что встречу то же, что видел до этого в Чечне и Ингушетии. Но Дагестан меня поразили другим. Здесь все общаются на русском языке. Русские — одна из коренных общин. В Дагестане, по разным оценкам, проживает более 40 народов, у каждого свой язык, поэтому русский стал языком общения. Так что здесь ты не чувствуешь себя чужим. Ты — свой. Нет национализма, во всяком случае, я его никогда не замечал. Люди очень расположены, открыты. Это, конечно, обусловлено отчасти и исторически — Дагестан мультирелигиозен, здесь были распространены и православие, и иудаизм, и ислам; они сосуществовали веками.

Дагестан: древнее христианство, новые храмы и уникальная культура

В Дагестане ведь уже было когда-то христианство? Какие свидетельства об этом сохранились?

Местные жители рассказывают о старых кладбищах, и когда проводятся раскопки, уче-

ные находят погребения с крестиками, особенно на юге Дагестана, в районе Дербента. Считается, что город существует больше пяти тысяч лет, это самый древний город России. А христианство здесь присутствовало уже с IV века.

В Дербенте, в крепости Нарын-Кала, было найдено так называемое «крестообразное водохранилище VI века». По форме оно представляет собой христианский храм — построено в форме креста, сводчатый потолок, который должен венчаться куполом. Это, а также строгая ориентация строения по сторонам света позволяют предположить, что это была церковь IV–V веков. Позднее сооружение было засыпано землей, но сегодня оно открыто, можно через купол увидеть весь интерьер.

В целом большинство сведений указывают на то, что здесь была епархия Кавказской Албании — древней христианской страны.

Сохранились ли в Дагестане древние храмы? Где они находятся и какова их судьба?

Один из них — Датунский храм, образец грузинской архитектуры. По стилю он относится примерно к XI–XIII векам. Точные даты никто не скажет, потому что серьезной научной экспертизы пока не проводилось. Он не один такой — похожие храмы есть и в Ингушетии, например Тхаба-Ерды. Сейчас Датунский храм в списке памятников республиканского значения. Мы ведем переговоры, чтобы его передали епархии: надеемся

Хиротония архимандрита Амвросия во епископа Грозненского и Сунженского в Храме Христа Спасителя в Москве. Июль 2025 г.

Архиепископ Махачкалинский и Дербентский Варлаам

(в миру Владимир Георгиевич Пономарев) родился 22 июня 1974 г. в городе Изобильный Ставропольского края в семье рабочих. Крещен в младенчестве. В 1989 г. окончил среднюю школу № 1 города Изобильного, в 1992 г. — политехнический лицей № 1 города Ставрополя. В 1998 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию. Во время обучения в семинарии 17 июля 1996 г. принял монашеский постриг с именем Варлаам в честь преподобного Варлаама Хутынского. Постриг по благословению митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона (Докукина) совершил инспектор семинарии игумен Петр (Кузовлев).

15 сентября 1996 г. в кафедральном соборе апостола Андрея Первозванного города Ставрополя митрополитом Гедеоном рукоположен во иеродиакона, 27 сентября в том же храме — во иеромонаха. Назначен настоятелем Никольской церкви села Сотниковское Благодарненского городского округа Ставропольского края. По окончании семинарии в 1998 г. назначен клириком храма святого Феодосия Черниговского города Ипатова. В 1999 г. назначен настоятелем храма святителя Николая Чудотворца станицы Кармалиновская Новоалександровского района Ставропольского края.

25 декабря 1999 г. назначен настоятелем Покровской церкви станицы Слепцовская Сунженского района Республики Ингушетия. В 2004 г. назначен благочинным

Республики Ингушетия и Чеченской Республики. В том же году назначен настоятелем церкви Архистратига Божия Михаила в городе Грозный с сохранением всех ранее возложенных послушаний. Ко дню Святой Пасхи в 2005 г. в соборе апостола Андрея Первозванного города Ставрополя епископом Ставропольским Феофаном (Ашурковым) возведен в сан игумена. В 2010 г. удостоен права ношения палицы.

В 2005 г. включен в состав Общественного совета при президенте Ингушетии. 9 октября 2006 г. указом президента Чеченской Республики утвержден членом Общественной палаты Чечни. В марте 2011 г. введен в состав рабочей группы по укреплению межэтнических отношений по Чеченской Республике.

В 2008 г. окончил Киевскую духовную академию.

В августе 2011 г. переведен во Владимирскую епархию и назначен помощником настоятеля Спасо-Преображенского монастыря города Муром, а также директором православной гимназии в честь преподобного Илии Муромца. В декабре 2011 г. назначен исполняющим обязанности настоятеля Спасо-Преображенского мужского монастыря города Муром. Решением Священного Синода от 7 июня 2012 г. (журнал № 56) назначен на должность настоятеля (игумена) Спасо-Преображенского монастыря города Муром.

Решением Священного Синода от 26 декабря 2012 г. (журнал № 126) избран епископом Махачкалинским и Грозненским. 2 января 2013 г. возведен в сан архимандрита. Наречен во епископа 18 января 2013 г. в Богоявленском кафедральном соборе города Москвы. Хиротонисан 27 января за Божественной литургией в Храме Христа Спасителя в Москве. Богослужения возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Решением Священного Синода от 19 марта 2014 г. (журнал № 24) назначен игуменом Ново-Синайского мужского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы в станице Орджоникидзеvская Сунженского района Республики Ингушетия.

4 декабря 2017 г. за Литургией в Храме Христа Спасителя в Москве Святейшим Патриархом Кириллом возведен в сан архиепископа.

Решением Священного Синода от 20 марта 2025 г. (журнал № 6) в связи с образованием Грозненской епархии усвоен титул «Махачкалинский и Дербентский».

Награжден орденом Русской Православной Церкви преподобного Серафима Саровского III степени (2024), орденом «За заслуги» (Республика Ингушетия, 2005), орденом Дружбы (2019).

восстановить и хотя бы раз в году проводить там богослужение.

Еще один храм был в Гунибе — в здании храма сейчас располагается музей. Гуниб — село на юге Дагестана, где находится крепость, в которой был взят в плен имам Шамиль. Для музея уже построили новое здание, и, когда он переедет, нам пообещали вернуть историческое здание церкви, которое было построено в 1860-х годах, когда закончилась Кавказская война. Мы хотим восстановить храм, чтобы сюда могли приезжать и молиться паломники. В целом для нас очень важно, что в Дагестане православные и мусульмане веками жили рядом.

А каким был главный храм Махачкалы до революции?

В Махачкале был возведен воинский собор в честь благоверного князя Александра Невского — на том месте, где ныне находится здание Правительства Республики Дагестан. В воспоминание об Александро-Невском соборе построен новый небольшой храм. Р. Г. Абдулатипов, будучи главой Дагестана, построил с одной стороны здания правительства храм, а с другой — мечеть, как он говорил, «чтобы восстановить хоть какую-то историческую справедливость».

Так случилось, что мы с Рамазаном Гаджимурадовичем приступили к своим обязанностям практически в один день: моя хиротония состоялась 27 января 2013 года, а указ о его назначении исполняющим обязанности Президента Республики Дагестан был подписан 28 января того же года. Он много сделал для нашей епархии: отдал нам здание воскресной школы, расширил территорию Успенского собора — нынешнего кафедрального, вернул храмовому комплексу здание дореволюционной сторожки. С его помощью в 2014 году мы организовали первый Международный межрелигиозный молодежный форум в Дагестане, он непосредственно принимал участие; приходил и в последующие годы.

Храм на историческом месте Александро-Невского собора посвящен равноапостольному великому князю Владимиру. А в память о святом Александре Невском к Успенскому собору в 2004 году был пристроен придел, освященный в его честь. Уже при нынешнем главе региона, С. А. Меликове, в 2022 году в Махачкале близ

мемориального комплекса, называемого в народе памятником русской учительнице, был заложен камень в основание нового Александро-Невского собора.

Поговорим о других городах Дагестана. Когда вы впервые увидели Дербент, каким он показался?

Очень впечатлил. Древнейший город России, и по духу это ощущается. Дербент совсем другой: здесь история буквально под ногами, а рядом — современная жизнь. И никто здесь не делает различий между людьми по национальности или вере. Это удивляет тех, кто впервые приезжает в Дагестан.

Переходим к Кизляру: как возникла идея создать Кизлярский крестный ход?

Кизляр — это территория, где традиционно жили русские: Тарумовский, Кизлярский районы. Когда-то в городе был Крестовоздвиженский монастырь — сначала мужской, потом женский. В память об этом мы стали совершать крестный ход на Воздвижение: выходим с кладбища, где сохранился старинный храм, и идем в центр города, к храму великомученика Георгия Победоносца. Это новая традиция, но с глубокими историческими корнями.

Крестовоздвиженский монастырь сейчас существует?

Формально — да. Но фактически там сейчас одна матушка.

Межрелигиозный мир: радикализм, вера, диалог и будущее Кавказа

Сколько за время вашего служения в Чечне, Ингушетии и Дагестане вы пережили терактов?

В Ингушетии несколько раз. В 2004 году пережили рейд боевиков на Ингушетию. Покровский храм в Сунже обстреливали минимум четыре раза. Первый — когда похитили отца Петра в 1999 году, еще до моего переезда. При мне три раза: в ноябре 2008 года, в ноябре 2010-го, в январе 2011 года. Стреляли ночью из гранатомета, по куполам и крестам. Когда возвели храм, он был высоким, видным издали. Это многим не нравилось.

В 2018 году террорист расстрелял пять прихожанок у храма в Кизляре.

В том же году было совершено нападение на наш храм в Грозном. Незадолго до этого вдруг

На церемонии закладки храмового комплекса на территории отдельной ордена Жукова бригады оперативного назначения Северо-Кавказского округа Росгвардии. Храмовый комплекс, состоящий из храма Александра Невского и мечети, был построен в рекордные сроки благодаря личному участию главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова

начали часто приходиться какие-то ребята: «Покажи храм, расскажи...» А потом оказалось, что именно эти люди участвовали в нападении. После теракта отец, который помогал мне восстанавливать храм, узнал их: «Вот этот приходил, и этот тоже...» Они готовились. Напали на храм во время всеобщего бдения — внутри служил священник, мой отец был на службе. Убили одного из прихожан, двое наших ребят из Росгвардии тоже погибли. Я приехал в Грозный буквально через два-три часа после этих событий. Тела еще лежали.

В Махачкале в 2024 году нас спасло только то, что мы после утренней службы в Успенском соборе уехали в горы. Вечером боевики выехали из Сергокалы и разделились на две группы: одна уехала в Дербент, где был убит протоиерей Николай Котельников, другая направилась в Махачкалу. В городе они расстреляли пост ДПС, убили несколько сотрудников полиции. Ворвались на территорию храма, взорвали пять машин, расстреляли охранника, подожгли епархиальное управление. Открыли газ, чтобы

рвануло, но взрыва не произошло, не случилось. Утром я пришел — услышал, что газ шипит. При терактах коммуникации отключают, свет, газ. А потом включили обратно и не обратили внимания. Все окна и двери выбиты, сквозняк.

Были и другие попытки террористических актов, но их успевали пресечь.

Как вы думаете, почему убили именно священника, отца Николая Котельникова?

Все те, кто участвовал в этих нападениях, — и в Дербенте, и в Махачкале — были из благополучных семей. Один из террористов — известный спортсмен.

Кому-то нужно было взорвать ситуацию в Дагестане. Отец Николай служил в Дербенте более сорока лет, посвятил всю жизнь межрелигиозному диалогу. Его искали намеренно. Он умер как мученик за Христа. Нападавшие убили только его, никого больше не тронули. Значит, целью был именно он.

Как отреагировали мусульмане и власти на события в Кизляре и Махачкале?

Эти нападения осудили все — и власти, и муфтият. Муфтий сразу пришел лично выразить соболезнование, как и после теракта в Кизляре. Люди приходили несколько дней. Мусульмане несли цветы, поддерживали нас.

Помню, я сидел на лавочке у храма. Подходит пожилая женщина — преподаватель в университете. Положила цветы и говорит: «Владыка, это мы — мусульмане».

Этими словами она выразила главное: те, кто совершил нападение, — не мусульмане. А мусульмане — это те, кто пришел с состраданием и болью.

Поддержка была всесторонняя. И со стороны руководства республики, и со стороны С. А. Керимова — он помог семьям всех погибших. Это событие нас еще сильнее сблизило.

А кем были те, кто напал на храм в Ингушетии?

Ваххабиты. Среди них были и местные, и приезжие — арабы, разные группы. Они прятались в лесах и придерживались радикальной идеологии. Но подавляющее большинство ингушей так не думали — они, наоборот, нас охраняли и защищали.

Проявления ваххабизма в Дагестане — это национальная или религиозная проблема?

Ваххабизм — псевдорелигиозная идеология. В мононациональных республиках к ней может примешиваться национальный фактор, но в Дагестане — нет. Здесь сама структура общества другая. Именно многонациональность спасла Дагестан в годы первой и второй чеченских войн, когда все вспыхнуло в соседних регионах. Люди здесь очень ценят мир — они знают, насколько он хрупкий. Поэтому радикальная идеология здесь не прижилась. Когда в 1999 году началось вторжение боевиков в Дагестан, что стало началом второй чеченской войны, местные жители сами выгнали террористов.

Когда мы начинали проводить мероприятия в Ингушетии и Чечне, возникала некоторая настороженность, особенно среди молодежи. И после первого форума в Дагестане некоторые решили, что мы будем всех обращать в православие. Но когда стало ясно, что задача — лучше узнать друг друга, задать вопросы и услышать ответы, все изменилось.

Мусульмане порой удивляют глубиной понимания христианства. Бывает, подходит

мусульманин и говорит: «Иисус же второй Адам». Наши православные не всегда об этом задумываются. Люди, которые искренне ищут Бога, приходят к взаимопониманию. Если ты действительно ищешь Бога в своей душе, ты обязательно ищешь и понимания с другим человеком. Без этого Бога в сердце не бывает.

И православных священников, и мусульманских деятелей убивали одни и те же люди. Значит, причины были не религиозные?

Конечно, нет. Убийства совершали люди с радикальными политическими взглядами. Они прикрывались исламом, но в действительности веры не имели и религии не следовали. Человек, у которого руки по локоть в крови, а он считает, что после этого войдет в рай, — это не верующий, это больной человек. Они уничтожали всех, кто им мешал: православных, мусульман, деятелей культуры — неважно кого.

Идеология была одна: сеять раздор. Дагестанский народ эту идеологию не принял. Здесь веками проходили войны, так что люди знают цену миру.

Совместно с муфтием мы создали фильм, посвященный межрелигиозному диалогу и тем тяжелым временам, которые мы пережили. И нынешний муфтий Дагестана шейх Ахмад Афанди Абдулаев занял место своего предшественника, убитого террористами; и я пришел на место священника, которого похитили и убили. Фильм раскрывает, что радикалы пытались столкнуть людей друг с другом, развязать войну. Но и православные, и мусульманские лидеры сумели сохранить мир. Этот фильм показали на многих площадках, в том числе в вузах и школах.

Часто в регионах, где большинство составляют православные, можно встретить жесткие высказывания в адрес представителей других религий. Как вы на это смотрите с позиций северокавказского опыта?

Когда ты в меньшинстве, ты иначе смотришь на вещи. На Кавказе мы прекрасно понимаем: если кто-то начнет разжигать — пострадают все. Поэтому здесь главное — не допускать резких слов и действий. Нельзя говорить: «Ты не наш, уходи». Нужно знать традиции друг друга, уважать их. И при этом никто не отменяет миссию: мы — православные, мы свидетельствуем о Христовой истине, но делаем это так, чтобы

В Дербенте 6 апреля 2025 г. состоялась закладка капсул времени в основание духовного центра «Кавказский Иерусалим»

не разрушать мир. Именно так священник должен действовать в многонациональной среде.

Как строится межрелигиозный мир? На чем держится возможность общаться и сотрудничать с мусульманами?

Прежде всего — на желании жить в мире. Любой здравомыслящий человек это понимает. Если начать доказывать, чья религия правильнее, — будет раздор, а Кавказ уже видел, к чему это приводит. После чеченских войн люди ценят тишину и стабильность. Кроме того, у нас много общего: христианство и ислам — авраамические религии. У нас общие истоки, как и ценности: нравственность, уважение к старшим, честность, стремление к милосердию, к духовной чистоте и многое другое.

Мы ежегодно проводим масштабный Международный межрелигиозный молодежный форум. Его участники — и мусульмане, и православные — видят, что мы хотим не переувечивать, а понимать друг друга.

Мусульмане часто говорят мне после лекций или выступлений: «Владыка, вы как будто на нашей пятничной молитве побывали — почти то же самое говорите». И это правда: нравственные основы у нас близки. Потому что нравственные ценности — они общие. Уважение

старших, честное слово, труд, воздержание, милосердие — все это нам одинаково дорого. Мы думаем, что сильно отличаемся друг от друга, а когда начинаем говорить о глубоком, выясняется, что мы очень близки в ключевом, главном. Самый страшный человек — это человек без веры. А человек, который верует, стремится к добру, — вызывает уважение, какой бы он ни был религии.

Форум проводится именно для молодежи?

Молодежь — это будущее. Если сейчас не объяснить молодым людям, чем ценен мир, какова сила веры, почему нужно уважать друг друга, через десять лет будет поздно.

Наш форум дает прекрасные результаты. Ребята живут вместе, молятся каждый по своей вере, учатся задавать вопросы, которых раньше стеснялись, и слышать ответы. Самое главное — они видят, что христианин и мусульманин могут быть не врагами, а людьми, которые ищут одного: чистоты сердца и жизни по совести. Это производит сильное впечатление и на них, и на родителей, и на учителей.

Как молодые люди реагируют на ваши выступления в вузах?

Молодежь здесь может внешне показать безразличие или браваду — это Кавказ. На самом

деле, когда начинаешь говорить, наступает тишина, они слушают очень внимательно. Знают, принимают.

Еще один известный межрелигиозный проект Дагестана — парк трех религий в Дербенте. Как возникла эта инициатива и в чем ее смысл?

Это большое дело, которое сейчас реализует С. А. Керимов. Выделено тридцать гектаров земли под создание комплекса, где будут построены православный храм, мечеть и синагога. Каждое здание — в своей части парка.

Мы присутствовали на торжественном открытии. И я тогда сказал то, что считаю очень важным: человек сможет прийти сюда помолиться, только если он действительно верующий. Если в нем есть ненависть — он не сможет войти в место, где рядом молятся те, кого он ненавидит. Этот парк — своего рода школа мирного сосуществования. Здесь будет развиваться инфраструктура: гостиница, прогулочные зоны. Но главное — сам факт: три религии бок о бок. Для Кавказа это очень важно.

Какие еще площадки, кроме форума, помогают выстраивать межрелигиозное общение?

Многие совместные мероприятия с участием представителей государства и религиозных общин. Глава республики С. А. Меликов часто проводит встречи, куда приглашают и нас, и представителей муфтията. Мы участвуем в круглых столах, выступаем в университетах перед молодежью.

Есть и общие социальные проекты. Например, архиерейский детский хор, в котором, с одной стороны, вместе поют дети из православных и мусульманских, русских, аварских, лезгинских, даргинских и других семей; с другой — при поддержке уполномоченного по правам ребенка в республике мы создали инклюзивный проект, когда здоровые дети и дети с ограниченными возможностями поют вместе. Мы специально делаем все так, чтобы никто не чувствовал себя отделенным или «не своим».

Крестные ходы тоже стали точкой соприкосновения: мусульмане выходят на улицы, стоят, смотрят, улыбаются, приветствуют. Им интересно видеть, как православные идут

с хоругвями, с иконами. Интуитивно они чувствуют: эта молитва — о мире, о благе, а не против кого-то.

Получается, одно из главных условий мирного сосуществования — уважение веры другого?

Уважение и понимание, что у нас одна земля и одно будущее. Господь так устроил, что мы живем вместе, — значит, нужно искать мир, а не поводы для розни. Когда люди начинают искать различия ради конфликта — это путь к войне. Когда ищут то, что объединяет, — это и есть путь к миру.

Вы давно служите на Кавказе. Почему он стал вам так дорог?

Я приехал сюда молодым человеком, мне было 24. И вся моя взрослая жизнь, мое становление как личности произошло именно здесь — в Чечне, Ингушетии, Дагестане. Уже больше двадцати пяти лет.

Кавказ учит уважать человека иной веры, другой нации, иных традиций. Здесь живут десятки народов, и каждый ценит личность другого. Если ты относишься к людям с уважением, они открываются тебе.

Кавказ — горячий, яркий, живой. Здесь кипит жизнь. И солнце здесь почти каждый день — мне этого очень не хватало, когда я уезжал.

Где много скорби, там много и Божией милости. Где переживаешь самые трудные моменты, то место и становится родным. Поэтому для меня Кавказ — родной. Тут прошла вся моя сознательная жизнь.

Если подвести итог вашему опыту на Кавказе — и как священника, и как архиерея, — что было самым важным уроком?

Наверное, то, что мир держится на искренности. Если ты искренне служишь Богу, люди это чувствуют, какого бы они ни были вероисповедания. Если ты честно относишься к людям, они это чувствуют. Если ты приходишь с добром — добро возвращается.

Кавказ учит терпению, мудрости и умению слушать. И еще он учит видеть в человеке человека, прежде чем видеть в нем представителя народа или веры.

Это, наверное, главное.

Беседовал диакон Александр ЧЕРЕПЕНИН